ДНЕВНИК МОЕЙ МЕТАМОРФОЗЫ

Айгуль Новак

Айгуль Новак

ДНЕВНИК МОЕЙ МЕТАМОРФОЗЫ

«Автор»
2026

Новак А.

ДНЕВНИК МОЕЙ МЕТАМОРФОЗЫ / А. Новак — «Автор», 2026

Что делать, если жизнь, которую ты старательно строила, рухнула за один день?Айгуль — обычная женщина: двое детей, работа, кредиты и мечта о финансовой свободе. Она доверилась «своим» людям — и потеряла всё. Но вместо того, чтобы молчать и стыдиться, она собрала папку на пятьдесят девять листов, пошла в полицию — и написала эту книгу.Это честная история о падении и возвращении к себе: про то, как перестать быть «тихой и удобной», как выйти из системы и почему настоящий рост начинается там, где, кажется, нечего больше терять.«Эта история — не про то, как меня обманули. Это история про то, как я обрела себя. И она только начинается».

© Новак А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер 5
Глава 1. Тихая гавань 7
Глава 2. Форс-мажор 9
Глава 3. Ловушка стыда 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Айгуль Новак
ДНЕВНИК МОЕЙ МЕТАМОРФОЗЫ

Дисклеймер

Все персонажи, имена, названия компаний и детали событий в этой книге изменены автором в целях сохранения конфиденциальности. Совпадения с реальными людьми, организациями или событиями могут быть случайными.

Книга является художественным переосмыслением личного опыта автора, основанным на реальных событиях. Текст не содержит разглашения тайны следствия, персональных данных третьих лиц или материалов уголовного дела.

Мнение автора может не совпадать с мнением читателей. Книга не является юридической консультацией или финансовой рекомендацией.

Пролог

Я долго искала своё место в этом мире.

Мне казалось, что дело в работе и зарплате. Я хваталась за дополнительные смены и уроки, но чувствовала, что задыхаюсь.

Мне было очень тяжело в душе. И тогда я пошла в YouTube. Я искала Бога, искала опору, искала ответ на вопрос: «Почему мне так тесно?».

Так я и нашла Аркадия. Он рассказывал про путь по сердцу, про веру, про то, что нужно доверять миру. Я тогда ещё не знала, что ищу не просто работу и не просто деньги. Я искала свою стаю, своё предназначение. Я думала, что нашла его. Я начала отдавать десятину, рисовать нейрографику по утрам, собирать подушку безопасности. Я строила свои корни.

А потом случилась пирамида.

Я помню тот день, двадцать третье октября, до мельчайших подробностей. Я открыла почту между делами, с мыслью о чём-то бытовом. И увидела сухое, официальное письмо. «Форс-мажор». «Деятельность приостановлена». «Руководитель находится в СИЗО». И та самая строчка, которая добивала: «Компания не отказывается от своих обязательств».

Помню, как в комнате стало очень тихо. Не вокруг — вокруг всё было как обычно, — а внутри. Так тихо, что я услышала голос. Он не кричал. Он говорил спокойно, почти ласково, и это было хуже всего:

— Сама виновата. Нечего было верить. Это карма за жадность.

Я узнала этот голос. Он всегда приходил первым — раньше, чем слёзы, раньше, чем злость. Он был со мной с детства. Он говорил «не высовывайся», «будь ровнее всех», «не конфликтуй». Он был очень удобный, этот голос. Он позволял мне думать, что я хорошая, пока я тихая.

Я сидела с телефоном в руках и чувствовала, как рушится всё. Моя мнимая безопасность. Моя подушка, которую я собирала так долго. Это было ощущение, будто я стою на месте, где только что была дверь, а теперь — глухая стена.

Я могла бы заплакать. Могла бы замкнуться. Могла бы поверить в карму. Но что-то во мне этому сопротивлялось.

Я поняла, что если сейчас сдамся, то этот голос победит. И тогда я решила, что больше меня никто не будет обманывать с деньгами. Я решила, что пойду в полицию. И я решила, что напишу книгу.

Я сижу на неудобной металлической скамейке в коридоре отдела полиции. В руках у меня тяжёлая папка. В ней пятьдесят девять листов. Это переписки, банковские выписки, скриншоты, чеки и распечатка с сайта Центробанка.

Я смотрю на эту папку, и меня не трясёт. Никакой паники, никакой истерики. Внутри — абсолютная, почти оглушительная тишина. Я больше не боюсь этих стен, погон и людей в форме. Я знаю, что сейчас выйдет дознаватель, возьмёт мои документы, и мы начнём.

Эта папка из пятидесяти девяти листов — не просто доказательства. Это моя новая речь.

Раньше я всё время пыталась говорить тише, чтобы никого не обидеть. Молчать, когда мне больно. Терпеть, когда меня не слышат. Я думала, что быть хорошей — значит, быть удобной. А теперь я говорю чётко, по пунктам, и меня слышно.

Странно, но именно здесь, в этом казённом коридоре, я чувствую себя в безопасности. Потому что я пришла сюда не как жертва, которая просит и плачет. Я пришла как человек, у которого есть план. И у кого есть голос.

Я нашла своё место.

И теперь я готова рассказать вам, как я к этому пришла.

Глава 1. Тихая гавань

До 2019 года я жила с ощущением, что мне тесно в собственной жизни.

Мне казалось, что дело в работе, в должности, в зарплате. Я меняла школы, шла в колледж, хваталась за дополнительные ставки, но чувствовала, что задыхаюсь.

Но настоящая точка отсчёта случилась в 2019 году. Тогда я забеременела дочкой. В тот момент я вдруг чётко осознала одну простую вещь: моя дочь не пройдёт тот путь, который прошла я. Она не будет терпеть нелюбимую работу. Она не будет брать кредиты, чтобы привязать себя к системе. Она не будет молчать, чтобы никого не обидеть. Я хотела, чтобы она выросла свободной и любимой.

Я смотрела на свой живот и понимала, что не могу оставить ей в наследство этот мир, полный «надо» и «будь как все». Я должна была показать ей другой пример. Именно тогда, с рождением дочери, начался мой путь роста. Я поняла, что мне срочно нужна опора.

В 2020 году я искала Бога в YouTube. Сейчас это звучит странно. Я мусульманка, но тогда мне было настолько тяжело в душе, что конфессии перестали иметь значение. Я искала опору. Не развлечение, не отвлечение — именно опору. Я слушала православных священников, проповеди, длинные разговоры о вере. Иногда просто включала и слушала, как люди говорят о том, что можно жить иначе.

И однажды в рекомендациях мне попался человек по имени Аркадий.

Он рассказывал про себя простые вещи. Как был весь в долгах. Как они с беременной женой доедали последние макароны. Как он пошёл к Богу, выбрал путь по сердцу, начал делать курсы — и жизнь начала меняться. Про чудесные совпадения. Про то, что если открыться миру и Богу, мир ответит.

Я слушала и чувствовала, что это про меня. У меня как раз были долги — ипотека за комнату, потребительский кредит. Кредиты были не просто деньгами. Это была верёвка, которой я привязала себя к работе. Работа — дом, дом — работа. А он выбрался. Не испугался. И я впервые подумала: значит, можно иначе.

На распродаже я купила доступ к его курсам. За символическую сумму, почти ничего. Начала смотреть — и жизнь правда начала играть красками. Сначала одно маленькое чудо, потом второе. Я думала: совпадение. Потом перестала думать. В тот момент моей жизни он стал для меня опорой.

Прошло три года.

В 2023-м он заговорил про финансы. Сказал, что у него есть хороший финансовый директор, который помог ему выбраться из долгов, и что все его сбережения — у этого человека, у Полянского, в доверительном управлении. Что они друзья. Что вместе ходят в баню. Что Полянский тоже религиозный, соблюдает заповеди.

Вот это — «тоже религиозный, соблюдает заповеди» — зацепило меня сильнее всего. Не проценты. Не доходность. А то, что человек «свой». Что он не кинет. Потому что как можно кинуть, если ты соблюдаешь заповеди?

Я не побежала вкладывать сразу. Я вообще не из тех, кто бежит. У меня были деньги в брокерском счёте в банке, я сама ими управляла, спокойно. Но в какой-то вечер я сидела с телефоном в руках, смотрела на графики в приложении, и меня накрыло чувство такой невыносимой усталости. Я устала быть сильной. Устала сама нести ответственность за каждую копейку. Мне безумно захотелось, чтобы о деньгах кто-то позаботился вместо меня. Просто взять и передать этот груз в надёжные руки.

И я закрыла счёт и перевела всё Полянскому.

До сих пор не могу до конца простить себе это решение. Может, это была усталость. Может, желание хоть ненадолго стать слабой и ведомой. Я сказала себе: я сохраняю и приумножаю капитал. Благодаря этим деньгам дети смогут получить хорошее образование.

Перевод шёл через бота в Telegram. Бумажного договора не было. Инвестиционные правила — это была публичная оферта. Раньше вход был от тысячи долларов, но для тех, кто пришёл от Аркадия, порог снизили до ста. Отчёты приходили каждый месяц, пятнадцатого числа. Риск — сорок процентов от капитала. Вывод — в течение месяца после заявки.

Я посмотрела на эти сорок процентов и подумала: значит, шестьдесят в сохранности. Значит, я не рискую. Обещали сохранить и приумножить. Я думала про инфляцию — она выше, чем то, что я могу сделать сама, значит, там я хотя бы сохраню деньги.

Это была моя логика. Не жадность. Осторожность. Я хотела не приумножить, а не потерять.

Я вкладывала частями. Сначала в 2023-м — накопления, около ста пятидесяти тысяч. Потом по мелочи. Потом я сделала финансовую подушку, чтобы уйти с работы, — и её тоже вложила. Я смотрела на отчёты и видела, как цифра растёт. Там же проценты шли обратно в работу, реинвестировались — вот и получалось около одиннадцати тысяч USDT — цифровой валюты, привязанной к доллару — на экране.

Всего по банковским переводам за 2023–2024 годы я отдала шестьсот семь тысяч рублей. Последнее пополнение было в июне 2024-го.

И знаете, что произошло? Это дало мне мнимую безопасность. Не доход. Не проценты. А смелость.

В тот момент я впервые за долгие годы почувствовала под ногами твёрдую почву. И смогла сказать мужу то, что боялась говорить годами. Помню тот вечер на кухне. Дети уже спали. Я сидела напротив него, смотрела на него и понимала, что если сейчас промолчу, то буду терпеть это всю жизнь. И я сказала: «Либо ты начинаешь мне помогать, либо мы разводимся. И эти деньги, которые лежат на моём счёту, делиться не будут. Это моя защита».

Он молчал. Долго. Смотрел на меня так, будто впервые видел. Наверное, в тот момент он понял, что я не шучу. Что я больше не та «тихая и удобная», которая всё стерпит. Это привело его в чувство. Он начал меняться.

В 2024-м я подготовила его к тому, что буду увольняться. У меня тогда ещё был кредит — тот самый, который я взяла, чтобы «быть как все». Но раз у меня была эта мнимая подушка, я смогла шагнуть в неизвестность. И я совсем не жалею об этом шаге. Ни капли.

Уволилась спокойно и начала искать себя. Пробовала себя швеёй с нуля, параллельно занималась репетиторством, в центре занятости смогла выбить субсидию.

А в 2025-м решила вывести. Точнее, я решила вывести только часть. Четыре тысячи USDT из одиннадцати. Остальное пусть работает дальше. Я не гналась за всем сразу. Я была осторожной. И именно эта осторожность меня и держала: пока я просила часть, мне говорили «всё в порядке, ждите».

Я не знала тогда, что в таких схемах рискует не сорок процентов. Рискует всё. Но тогда я этого не знала. Тогда я думала, что контролирую ситуацию. А на самом деле контролировали меня.

Глава 2. Форс-мажор

В апреле 2026 года я написала менеджеру Даше.

Тогда ещё ничего не предвещало катастрофы. Просто не пришёл отчёт за март, и я не могла зайти в личный кабинет. Я написала: «Здравствуйте! Хотела уточнить, нет ли у вас проблем с компанией? У меня почему-то не пришёл отчёт, и в личный кабинет не могу зайти. Хочу узнать: только у меня такие проблемы или у других тоже есть?»

Я правда думала, что проблема только у меня. Мне казалось, что весь этот огромный механизм работает, а у меня просто технический сбой.

Даша ответила вежливо. Сказала, что личные кабинеты они не блокируют, что это технические неполадки с отправкой отчётов, что нужно просто подождать. Скинула ссылку на новый сайт, потому что старый сайт (.com) «не работает с прошлой осени». Дала ссылку на бота, где можно посмотреть баланс. Извинилась за технический сбой.

И я успокоилась. Я поверила. Потому что мне очень хотелось поверить. А потом начались переносы.

На вывод я подала в ноябре 2025-го. И началось: «в течение месяца», потом «ещё немного подождите», потом снова перенос. Я не считала, сколько раз это было, — но каждый раз это был маленький удар. Ждёшь, надеешься, а потом снова «продлили».

Последний перенос был до первого октября. Муж знал про этот срок. Я давно сказала ему прямо: это мои деньги, я их накопила для себя и детей. Это моя подушка безопасности. И, несмотря на то, что по закону при разводе имущество делится пополам, по законам совести и по духовным законам он не имеет на них никакого права. Это была моя территория и защита моих детей.

Он знал общую картину, знал, что деньги лежат в Инвестиционном клубе. Но он не знал точную сумму, не читал их ежемесячные отчёты и не вникал в детали. Я не посвящала его во всю эту финансовую кухню.

А пятнадцатого октября отчёт не пришёл.

Я ждала его, как всегда. Пятнадцатое — это было железно, годами. Открыла почту — пусто. Проверила спам — пусто. Вечером ещё раз — пусто.

И тут внутри что-то щёлкнуло. Я ведь уже искала информацию ещё в мае. Начинала складывать пазл. Находила отзывы, разборы — и объясняла их в их пользу. Я гнала от себя мысль, что это пирамида, но мысль никуда не уходила.

Семнадцатого октября я написала Даше снова.

К тому моменту в переписке уже прозвучало слово «форс-мажор», но без всякой конкретики. И я потребовала: «Прошу предоставить официальное письменное уведомление о наступлении обстоятельств непреодолимой силы, на которые вы ссылаетесь. Укажите точные даты начала и предполагаемого окончания. Какие именно события считаются форс-мажором — с приложением подтверждающих документов. И новый срок исполнения обязательства по выводу средств».

Я дала им срок: до двадцать четвёртого октября.

Даша ответила, что письменное уведомление «находится в процессе подготовки», и что «официальным каналом оповещения согласно договору оферты является электронная почта».

И я задала вопрос, который, наверное, был самым неудобным: «Прошу указать ИНН и ОГРН компании — мне необходимо сверить реквизиты с данными в моём договоре и проверить сведения в ЕГРЮЛ».

Вот тут она и попалась. Потому что ответ был: «Компания не зарегистрирована в РФ, поэтому ИНН и номера в ОГРН не имеет. Компания зарегистрирована в Гонконге».

Я ещё тогда написала: «Я не признаю арест руководителя форс-мажором и не согласна на приостановку деятельности компании. Коммерческие риски и проблемы с правоохранительными органами не освобождают компанию от обязательств перед пайщиками».

Я ещё надеялась. Но внутри уже понимала: это конец.

Двадцать третьего октября пришло письмо.

«Форс-мажор». «Деятельность приостановлена». «Руководитель находится в СИЗО». И дальше — та самая строчка, которую я потом перечитывала много раз: компания не отказывается от своих обязательств.

За день до моего срока. За день до того, как я должна была получить ответ.

Я перечитала ещё раз. Потом ещё. Как будто от третьего прочтения слова могли измениться.

Они не изменились.

Вот это было самое странное чувство — не шок, а подтверждение. Мои опасения, которые я гнала от себя все эти годы, подтвердились. Я ведь искала. Я находила. Я видела красные флаги — и объясняла их в его пользу. А теперь письмо говорило мне: ты не ошиблась в своих страхах. Ты ошиблась в том, что решила их не слушать.

И тут же пришёл тот самый голос из детства. Спокойный и почти ласковый:

— Сама виновата. Нечего было верить. Это карма за жадность.

Я сидела и думала: я лоханулась. Вот простое, честное слово. Не «меня обманули» — а «я лоханулась». Потому что в такие моменты мы почему-то виним не того, кто обманул, а себя — за то, что поверили.

Я не полезла в интернет. Мне уже не нужно было ничего искать. Я всё это прошла в мае: закрытый офис, тишина в поддержке, закрытые контакты в чате, ошибки на сайте. Тогда я ещё надеялась, что это техническое, что это временно, что это решается.

А теперь я просто сидела и понимала: всё. Конец.

И странное дело — не было паники. Не было слёз в подушку. Было очень ясное, почти спокойное осознание: это конец, и надо что-то делать.

И первая мысль, которая пришла, была почему-то не про деньги. Не «как вернуть». А — создать группу и пойти в полицию.

Я потом много раз думала, откуда это взялось. Наверное, из того самого мая, когда я уже искала людей и поняла, что нас много. А может, из чего-то более простого.

У меня в жизни есть одна особенность. Когда я внутри принимаю решение — не советуюсь, не взвешиваю, а просто решаю: «всё, больше я так не буду», — оно работает. Как будто внутри что-то щёлкает, и дальше ты просто идёшь в эту сторону, и обстоятельства складываются.

В тот день я приняла такое решение.

Я решила, что больше меня никто не будет обманывать с деньгами.

И ещё я решила, что история с полицией будет для меня окончательной точкой. Не «попробую», не «может быть». А точкой.

И снова мысль про мужа. Как сказать? И надо ли вообще? Может, я смогу всё решить сама, и он никогда не узнает.

Это была ещё одна иллюзия.

Я сидела с телефоном в руках. И знала, что через несколько дней буду сидеть в отделе полиции с папкой на пятьдесят девять листов и слушать, как следователь говорит: «За всю практику так впервые приносят».

Этого я ещё не знала. Но знала другое: я больше не буду молчать.

Глава 3. Ловушка стыда

Самое странное в этой истории — не то, что меня обманули. А то, что после этого мне больше всего хотелось молчать.

Я не рассказывала никому. Ни мужу, ни знакомым. Я сидела с этим внутри и пережёвывала одно и то же: как я могла. Взрослая женщина, учитель, мать двоих детей — и попалась. Как в анекдоте про тех, кто «хотел халявы».

Я знаю, откуда это берётся. Я всю жизнь училась терпеть. Ещё когда жила в той самой «тихой гавани», где работа — дом, дом — работа, я умела не высовываться. Умела не конфликтовать. Умела делать вид, что всё нормально, даже когда внутри всё болело.

И теперь, осенью 2026-го, я снова оказалась в тишине. Только на этот раз меня держало не чужое молчание, а моё собственное.

Я прокручивала в голове, что скажет муж. Что скажут знакомые. Я представляла, как объясняю: «Понимаете, там был человек, он говорил про Бога, и я поверила». И слышала в ответ: «Ну ты даёшь». И этот воображаемый ответ был хуже, чем потеря денег. Потому что деньги — это деньги. А стыд — это про то, что ты теперь другая. Та, с которой это случилось. Та, которую можно пожалеть свысока.

В психологии это состояние называют «избегание»: когда реальность слишком страшная, мозг говорит — сделаем вид, что этого не существует, может, само рассосётся. Так делает большинство. И я могла бы: «потеряла и потеряла, зато опыт». Сидеть на диване и надеяться на чудо.

Но что-то во мне этому сопротивлялось.

И вот в какой-то момент я поймала себя на мысли: а кому это выгодно? Кому выгодно, что мне стыдно и я молчу? Ответ был простой: им. Тем, кто это сделал. Пока я молчу — я одна. А пока я одна — я не опасна. Стыд — это их оружие. Не моё.

И я решила, что сидеть сложа руки не буду. Я буду писать заявление. А для этого мне нужны документы.

Двадцать шестого октября я зашла в личный кабинет и сделала скриншоты. Пока ещё был доступ. В чате писали, что боты начали подчищать данные. Я поняла: если не успею сейчас — этих данных не будет.

Двадцать седьмого числа я устроила ревизию на почте. Отмечала их письма флажками. Зашла в папку с чеками — там сохранились чеки с крупными суммами. Ещё несколько переводов я искала по названиям организации и по фамилии Полянский. Я наивно полагала, что смогу восстановить все операции по выписке из личного кабинета, но это оказалось непосильной задачей.

Двадцать восьмого октября я всё-таки подошла к принтеру. Нажала на кнопку включения. И он не включился.

Я нажала ещё раз. Тишина. Проверила провода, дёрнула вилку из розетки, вставила обратно. Ноль эмоций. И в тот момент мне показалось, что принтер чувствует то же самое, что и я. Он тоже не хотел печатать эти проклятые документы. Он тоже упирался, словно говоря мне: «Может, не надо? Может, пронесёт?».

Напряжение внутри росло. Я уже готова была расплакаться от бессилия. Но я взяла себя в руки, сделала глубокий вдох, ещё раз проверила все контакты и с силой нажала на кнопку.

Принтер зажужжал. Загорелся зелёный огонёк. Я выдохнула. И он начал печатать. Лист за листом, скриншоты, переписки. Он выплёвывал на стол мою глупость, зафиксированную на бумаге. А я стояла рядом и смотрела, как растёт эта стопка.

С горем пополам я распечатала скриншоты. Но с чеками всё встало. Мне было настолько некомфортно, стыдно и страшно осознавать свою глупость, понимать, что эти деньги я могла бы направить в нужное место. Разбор чеков я оттягивала до последнего.

В тот же день я вышла из дома и купила степлер. Не потому, что он был мне жизненно необходим прямо в ту секунду. А потому, что это был первый шаг. Материальный. Настоящий. Я купила степлер, чтобы скреплять листы. Чтобы у меня было то, что можно взять в руки.

Двадцать девятого октября утром я отвела младшую дочь в садик. А дальше по расписанию: пошла в реабилитационный центр, чтобы записать ребёнка на процедуры.

И вот там, сидя в очереди в коридоре с этими яркими плакатами на стенах и детскими рисунками, я поймала себя на мысли о том, насколько абсурдна моя жизнь сейчас. В одной руке у меня была карточка ребёнка, а в другой — телефон, в котором открыты банковские выписки с переводами мошенникам. Я записывала ребёнка на лечение, чтобы он был здоров, и в то же время понимала, что моя финансовая «подушка», которую я собирала для его будущего, превратилась в прах. Это был какой-то сюрреализм.

Выйдя из центра, я не пошла сразу домой. На моём пути был магазин канцтоваров.

Я зашла внутрь. В магазине пахло бумагой и типографской краской. На полках стояли ровные ряды тетрадей, ручек и альбомов. Я подошла к стеллажу с папками. Мне нужна была одна, самая вместительная. Я взяла папку — тёмную, плотную. Потом отсчитала около тридцати файлов — некоторые листы у меня были скреплены между собой, так что раскладывать каждый отдельно смысла не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.